

ДАНИЛ КОГАН

**ПОПАЛ
ПО СОБСТВЕННОМУ
ЖЕЛАНИЮ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Данил Коган

Попал по собственному желанию

«Автор»

2025

Коган Д.

Попал по собственному желанию / Д. Коган — «Автор», 2025

Героическое фэнтези. Неспешное повествование, наш человек в мира меча магии и богов. Значит, как все было? Подсела ко мне девица в баре, ну, вы понимаете? Я уже губу раскатал. А она мне: «Я - Смеющаяся Богиня! И у меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться». Я говорю себе: «Денис, ты ведь инженер! Образованный человек, атеист, не был, не состоял, не привлекался! Ну, какие, к черту, богини? Какая еще магия-шмагия, бароны-патриции и святые мечи?!» Но ведь раз ничего этого нет, то что я потеряю, если соглашусь? Дорассуждался. Тут и случился «Вжух!» Мир распался на кусочки, потом сложился заново, превратившись совсем в другой. И теперь я всамделишный патриций. Со святым мечом. И магия с чудесами вокруг - настоящие. И, к сожалению, монастырь-психушка, в которой меня держат - тоже...

© Коган Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. «Настоятель»	6
Глава 2. Смерть и рождение	15
Глава 3. Давать совет охотников довольно, а исполнителей не больно	26
Глава четвёртая. Меч молодец, а пуль нету	33
Глава 5. Хочешь рассмешить Богиню – составь план	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Данил Коган

Попал по собственному желанию

*Тая в стакане, лёд позволяет дважды
вступить в ту же самую воду, не утоляя жажды.*

И. Бродский

Глава 1. «Настоятель»

В которой я веду откровенный разговор с таинственной незнакомкой, падаю на задницу, выясняю разницу между сном и явью, выбираю сердцем, принимая крайне опрометчивое решение

В этот пятничный вечер я собирался отдохнуть в новом для себя заведении. Кто-то из моих знакомых постоянно ходит в одно и то же место. Кто-то устраивает алкотуры в один день, посещая семь – двенадцать заведений. Я же каждую пятницу любил найти что-нибудь новое. Место, где ещё не был. Благо Питер в этом вопросе, по-моему, бесконечен, как Вселенная.

Бездумно напевая: «Как ты мог, космодесантник, раздавить мою любовь», – я, спускаясь по Гороховой, не дойдя до набережной Фонтанки, зашёл, как обычно, в первую же глянувшуюся дверь.

Так я и оказался в рюмочной «Настоятель», что в доме Евментьева, он же дом с ротондой.

С порога оценил обстановку в заведении. Иногда поиски не останавливаются в первой попавшейся пивной. Если мне не нравится внутри, я просто иду дальше. Но здесь было миленько. Почти пусто в вечер пятницы. Я вообще не очень люблю шумные места. А здесь...

Небольшой зал. Стойка, за которой торчит скучающая девица. Справа от стойки на стене панно маслом. Пародия на тайную вечерю с современными персонажами. Я сразу опознал среди апостолов Илона Маска и почему-то Трампа, а также Иосифа Виссарионовича. Остальные так просто не расшифровывались. Я решил, что надо посидеть в наливочной и попробовать присмотреться к картине повнимательнее.

Взяв на баре меню, я заказал сет из трёх настоек за шестьсот пятьдесят. Ну ладно, два сета. Чтоб два раза не вставать. Выбрав для начала малину на джине, хреновуху и облепиху-чили, уселся за столик. Мне в глаза смотрела стоящая в окне маска – полуразрушенное лицо с прижатым к губам указательным пальцем.

Антуражно.

Краем глаза заметил переливающееся платье, и передо мной опустился поднос с шестью рюмками. Затем незнакомка, а это была явно не та девушка, которая стояла за стойкой, грациозно опустилась на стул напротив меня. На лице её была та же самая маска, которая смотрела на меня с витрины. На руках золотые браслеты. Стройное тело с практически идеальными пропорциями было затянуто сверкающей зелёной тканью. Я даже не знаю, как эта обтягивающая штука называется-то. Но ткань, драпируя всё тело, практически ничего не скрывала, наоборот, подчёркивала самые большие достоинства. Акция у них, что ли? Закажи два сета и получи оборотительную незнакомку в соседки по столику. Вряд ли это посетительница.

Я повернул голову к стойке, чтобы задать вопрос, но обнаружил, что девица-бармен куда-то испарилась. Я даже как она выглядела не запомнил.

– Эээ... – прочистил я горло. – Не знаете, кто изображён на панно? – Вот я дятел!

– Какие-то Трамп, Маск и Сталин. И куча других не очень-то интересных людей.

– Этих-то я и сам определил, – сказал я, тщательно удерживая взгляд на голубоватом мерцании в глубинах прорезей для глаз и усилием воли не давая своим глазным яблокам повернуться вниз.

Не сказать, чтобы женщины не баловали меня вниманием. Просто эта женщина была явно из другой лиги, чем мои обычные подружки. И дело даже не во внешности. Манера держаться, сидеть, говорить... Всё кричало о властности, силе – почти животной, загадке – почти смертельной. Я ничем не мог заинтересовать такую женщину. И вот она сидит передо мной и даже что-то говорит. Говорит! Вот я лошара!

– ...Вы знаете только этих. Но разговор о фреске, даже о такой забавной, с вашей точки зрения, – не то, зачем мы здесь. – Кажется, она сказала сперва: «Я знаю». Но не факт.

– А скажите, вот это всё, – я обвёл рукой абрис лица, намекая на маску, – обязательно? Вы ни с кем меня не спутали? А то, может, у вас сегодня сборище анонимных тайных рептилоидов, властителей мира. И тайный сигнал – шесть несочетающихся напитков в сете. Так вот! Решительно заявляю! Я не из ваших! – и немедленно выпил.

Сюр ситуации стоило разбавить градусом.

– Маска на мне, потому что ты никак не можешь определиться, какое у меня лицо. А вот с представлением идеального женского тела у тебя всё в порядке. И нет. Мне не нужны эти твои рептилоиды. Я сегодня здесь, чтобы говорить с тобой. Рептилоидам назначено на завтра. – Она ослепительно улыбнулась.

– Эээ, вы хотите сказать, что я уже допился до зелёных... с золотом незнакомок завлекательного облика? Я бы не успел! Если вы ко мне, наверное, знаете, кто я такой? – намёки на то, что она плод моего воображения, я решил проигнорировать.

Она была слишком живой.

Осязаемой.

На шее билась жилка.

В воздухе висел аромат мускуса и каких-то пряностей.

– Ты Денис Щербинин. Сорок восемь ваших лет от роду. Какой-то там инженер-атомщик, чтобы это ни значило. Увлекаешься чтением и работой руками в мастерской. Мастерить ненастоящие клинки и прочие поделки для ненастоящих сражений и приключений. Живёшь обычной жизнью ничего не решающего, никому, кроме близких, не нужного человека. Да и близких у тебя особо нет. Так. Приятели и приятельницы. Ты не строишь отношений. Не хочешь что-то менять. Ты пытаешься заполнить пустоту в душе этими книгами про сверхлюдей, колдунов и магов, походами по разным барам каждую пятницу и ищешь смысл жизни в пустых развлечениях, как чёрную кошку в тёмной комнате. А кошки там никогда не было. Ну что. Знаю ли я тебя?

– Эй, дамочка, чего это я отношений не строю! Да я за последние полгода трёх подруг уже поменял!

– Вот именно, Денис. Что мне в тебе нравится – в тебе нет сильной склонности к самообману. – Она говорила немного странно. Как будто... как будто переводила мысленно свои слова на русский язык с какого-то другого.

– Да вы кто такая, чтобы с лёту меня вот так препарировать! Я не заказывал себе сеанс психотерапии! Что за idiotские шутки?! Дебильный бар! – Я намахнул вторую, подумал о том, чтобы уйти, но фиг им! За что деньги плачены?

– В Империи Альтиор меня называют Смеющейся Богиней. Но ты спросил, кто я такая, а не как меня зовут? – в этот момент я поперхнулся хреновой и зашёлся кашлем, пытаюсь вдохнуть. Она, загадочно улыбаясь, наклонилась вперёд, погладила меня по щеке, и кашель тут же утих. Рука у неё была тёплая! И... я не знаю, бархатистая такая.

– Я та, кого вы называете магами, наверное. В Империи мы зовёмся Владеющими.

– Вы, дамочка, определитесь – богиня или маг? Это немножко разные сущности! – мне начало становится весело.

Нет, конечно, обо мне она ерунду сказала и сильно передёрнула. Всё у меня нормально. Но я иногда, когда накатывала тоска, думал о своей жизни в похожих выражениях. Кризис среднего возраста называется. Хм. Я и сам думал... да не. Бред. Розыгрыш. Не бывает богов-магов всяких там. И чудес не бывает!

– Я не говорила, что я богиня. Ты невнимателен. Я сказала, что в империи меня знают как Смеющуюся Богиню. В сотнях других мест у меня сотни других имён. Но нам с тобой важна Империя Альтиор. Если хочешь, можно назвать меня гением эфира. Я давно уже откинула смертную оболочку и стала Странником. Но как перевести эти термины в понятные тебе образы, я не знаю. У вас представления о магии слишком... примитивны. А ожидания от её применения часто слишком завышенные.

– У тебя слишком тёплые руки для той, кто откинул смертную оболочку. И ты дышишь, у тебя бьётся сердце.

– Конечно. Ведь мы в твоём сне. Я корректирую свой образ под твои представления. Но на самом деле меня здесь нет. В вашем мире остались жалкие крохи эфира. Таким, как я, во плоти в нём делать нечего.

– Где мы, прости? – я вцепился в рюмку.

– В твоём сне. Ты посетил это заведение сегодня вечером. Вернулся домой, подвыпивши, и лёг спать. Сейчас ты лежишь дома в постели, а не сидишь за столиком в рюмочной.

Я снова выпил. Я совершенно не ощущал себя спящим. Сны у меня были яркие, цветные и кинематографичные. Более того. Я мог ими управлять. Иногда мог изменить сюжет. Иногда «открутить» назад не понравившийся эпизод или повторить понравившийся. Но никогда у меня во сне не было таких реальных ощущений. Всё это вообще не было похоже на сон! А похоже было на какую-то странную разводку.

Будто прочитав мои мысли, она улыбнулась.

– Какой дотошный. Это не обычный сон. Я вытащила тебя в Тир-На-Ог. Мир, где живут бессмертные духи.

– Тир-На-Ог – тоже слово из нашего мира! Это какой-то там волшебный мир у ирландцев! И у Джордана мир снов так называется!

– Хватит препирательств! Пойми. Я говорю с тобой на твоём языке! Для описания места, в котором мы находимся, я подобрала наиболее близкий аналог. Ты думаешь, что это розыгрыш? Уходи!

Последние слова хлестнули меня звуковой плетью. Я поднялся, накатил пятый и шестой стаканы и молча направился к дверям. Сквозь стеклянную панель было видно Гороховую и витрину магазина Hand Land напротив. Я распахнул дверь.

И на меня взглянула тьма. Тьма, расцветенная в дикие кислотные разноцветные полосы. Улица куда-то пропала, канула во внешнем хаосе.

Прямо по центру невероятной сюрреалистической картины вдруг распахнулся нечеловеческий глаз, окружённый складками тёмной материи.

Око заглянуло, казалось, в самую суть моего существа, но в этот момент мои руки начали действовать отдельно от разума. Они захлопнули дверь, отсекая меня от первозданного хаоса снаружи.

А я совершенно неэстетично сел на задницу, резко попятившись от двери.

За стеклянной поверхностью мирно светилась вывеска магазина сувениров.

– Ну. Теперь, когда ты кое-что начал понимать, может, поговорим о том, зачем ты здесь? Зачем я здесь?

– Что это, «беспутная женщина», было? – я выразился иначе. Но обычно я мысленно заменял невольно вылетающие «инженерские» словечки такими вот эвфемизмами. Я не ханжа. На работе с мужиками иногда было по-другому просто не объясниться. Но в другой обстановке я старался обходиться суррогатами.

– Выход. Предваряя твой вопрос: чтобы проснуться, надо выйти в любую видимую дверь. Иногда, если двери нет, – она указала пальцем на панно, – её можно создать.

В панно оказалась врезана дверь, ручка которой как раз перекрывала нос товарища Сталина. Раньше её там точно не было.

– Нет. Я пока не готов шагать ТУДА. Что говорите? Зачем мы оба здесь? Теперь мне интересно узнать, да.

Я попытался применить свой «скил управления сном». Вот я стою на пороге заведения. Закрываю дверь и иду дальше по Гороховой. Представил себе это очень живо. Но ничего не произошло. Я всё так же сидел на заднице на полу «Настоятеля», а на столе стояли шесть пустых рюмок. И женщина в загадочной маске смотрела на меня сверху вниз, закинув ногу на ногу.

Я встал.

Сел за стол.

Невольно покосился на рюмки. Она улыбнулась, и рюмки вновь оказались заполненными. Ну и что толку от виртуального алкоголя? Я вопросительно всмотрелся в рваную поверхность маски.

– Я предлагаю тебе шанс. Шанс навсегда изменить свою жизнь.

– Понятно! Я избранный! Всегда это знал! Но знаешь...

– Знаю. Ты бы выбрал синюю таблетку. Ведь за тобой не гонятся агенты Смиты. Тебя в целом всё устраивает в твоей жизни. И в чудеса ты не веришь. Ведь так? Но я не предлагаю тебе дилемму выбора между настоящим и иллюзией. Я предлагаю выбрать настоящее и настоящее. И собираюсь сперва раскрыть карты. Просто слушай. И помни. Это единственный и последний шанс сделать такой выбор. Другого не будет.

– Но почему я? В чушь про избранного я никогда не поверю.

– Ты обладаешь талантом «Ходящего по снам». Слабеньким. Но в вашем мире и такое редкость. Значит, можешь быть перемещён. Ты человек из технического мира и сам технарь. Научное, системное мышление – то, что требовалось мне от кандидата. Ты умён. Развитый интеллект – тоже важный показатель. Но ты не избранный. Не уникальный герой. Всеми этими качествами обладают сотни тысяч, если не миллионы людей в вашем мире. Но на мой зов отозвался именно ты! Можешь считать это удачей. Я назову это рукой Судьбы.

– Сомнительная удача! В судьбу я тоже не верю!

– Пусть будет слепая случайность. Как у вас говорят? Великий Рандом. Удовлетворён? Вы, смертные, такие зануды. У тебя появился уникальный, невозможный шанс. А ты сидишь и перебираешь свои заблуждения, как нищий грязные лохмотья.

– Слушаю тебя, женщина, которую в некой империи зовут Смеющейся Богиней. – Действительно, что я теряю? Это даже становится интересно. – Нас, случайно, не поджигает время?

– Времени нет. Не для меня. И не для тебя в этом месте. Можешь выпить. Вкус как в реальности.

– Но эффекта нет!

– Я предлагаю тебе перенос, – она проигнорировала мою жалобу, – отсюда в Империю Альтиор. Это совершенно иной мир. Там сейчас формируется узел... Тебе неважно. Предлагаю тебе начать там новую жизнь. Вот, собственно, и всё, если коротко. Я вижу, у тебя полно вопросов. Спрашивай.

– Я туда попаду в своём теле?

– Это невозможно. Там есть один... безумец. Жена с любовником устроили на него покушение. Наложили заклятие, и он постепенно лишился того, что вы называете душой. И утратил разум. Твой дух будет помещён в его тело.

– Какой-нибудь сопливый подросток с офигенным магическим потенциалом?

– Не угадал ни разу. Это славный воин. Седьмой меч – его титул, ибо он стал седьмым среди всех мечников империи. Поверь. Даже для потомка славного рода, такого как он, это огромное достижение. Владеющим он не был. Да и не интересовался магией никогда. Ему двадцать два ваших года. И он-то как раз считается там избранным Смеющейся Богини. От моего имени ему даже даровали священный меч.

– А я так хотел стать архимагом и всех нагнуть! Воин. Брр. Такое себе, если честно. Кроме того, как с навыками? Я-то не воин ни разу. Ролевое фехтование и историческое в расчёт не берём. Фуфло, если честно.

– Магом. Видишь ли. Во-первых, я уже говорила, что в вашем мире неверно представляют себе магию и преувеличивают её возможности, одновременно не понимая её истинного могущества. Во-вторых, чтобы стать воином, надо тренировать в основном тело. Чтобы стать Владеющим – душу. Только развитая душа может управлять потоками эфира. Твоя душа, как и душа любого жителя твоего мира, уж извини... Скажем так. Не годится. Но я учту это пожелание. Если ты согласишься.

– А с навыками что?

– С навыками всё проще. Навыки закреплены у него в синапсах. А мозг пока ещё не повреждён. Так что их ты восстановишь достаточно быстро. Твои навыки вместе с духом не перенесутся. Впрочем, у тебя полезных для выживания в том мире способностей и нет, толком. – А вот сейчас обидно было. – В отличии от твоих знаний. Вот они могут пригодиться, так их я постараюсь сохранить. И ты не учиываешь главного. У него есть имя. Высокое сословие. И собственность. Так что тебе не придётся начинать с нуля. Ну и память. Память у тебя будет в основном его. Память – это функция головного мозга у не магов, если тебе так понятнее. От твоих воспоминаний я сохраню технические знания и способ мышления. Личность. Ну и то, что случайно уцелеет. Твою душу для переноса всё равно придётся укрепить. Сделать тебя, так сказать, ближе к владеющему эфиром.

– Так я стану магом или нет?

– Ты получишь возможность изучать магию того мира, если захочешь. Без многолетних изматывающих закаливаний духа с детства. Сразу получить всё и «на халяву», как у вас говорят, не выйдет.

– А почему он? Он чем-то важен? Раз он назван избранным богини?

– Нет. Сам по себе нет. Обычный, ничем не выделяющийся, кроме мастерства мечника, провинциальный землевладелец из патрициев. Но вот с твоей душой и знаниями... Может оказаться забавно.

– Я не люблю, когда меня держат за дурачка. Скажи, зачем всё это тебе? Если я не важен. Он не важен. А что тогда важно?

– Скука. Я люблю этот мир. Когда он был молод, я скиталась по нему. Я стала там легендой. Там я стала Странником. Там меня называли Смеющейся богиней. Мир кипел. Бурлил. Менялся. Текла кровь, рушились империи. Утверждались новые постулаты веры. Он был живым. Но вот уже почти три тысячи лет прошло с тех славных деньков. И все три тысячи лет там ничего не происходит. Жизнь замерла. Всё успокоилось. Моя империя похожа на нарядного покойника, лежащего в гробу на прощании. Он ещё среди живых. Но уже мёртв. Скучно. Но если бросить в это болото увесистый камень... Я хочу посмотреть, какие круги пойдут по ряске. Такой ответ тебя устроит?

– То есть ты рассчитываешь, что я буду чем-то вроде реаниматолога с эпинефрином и дефибриллятором наперевес. И со священным мечом в третьей руке, конечно.

– Я надеюсь, что будет весело. А с реаниматологом – как пойдёт. Может, тебя там вообще казнят как одержимого или пришибут разбойники по дороге. Я не вижу будущего. Только чувствую узлы.

– Очень ёклмн вдохновляюще про одержимого и разбойников.

Она равнодушно пожала плечами.

– Тот мир полон опасностей. Какой-нибудь ваш любитель экстрима половину печени или почку бы продал, чтобы туда попасть. Но ты – не он. И мне не нужна твоя печень. Со мной говоришь именно ты, а не любитель экстрима. Я честна с тобой и это главное.

– Судя по мечу и всему такому, там какое-нибудь средневековье? Деревянные полы, сортир на улице, вонь, грязь, антисанитария.

– Сам всё увидишь. У вас на земле не было полных аналогов обществу Империи. Технологии достаточно примитивны, но до такой вещи, как душ и тёплый туалет, там уже додумались. И есть магия. Если для тебя это важно.

– Это важно! И как пройдет перенос? И что будет с моим телом здесь?

– Твоё тело впадёт в кому и умрёт, когда его отключат от приборов. Перенос. Смотри.

Она извлекла буквально из воздуха стильный красный кожаный ларец, покрытый сложной вязью символов. Поставила его на стол. Открыла.

В ларце висели, не касаясь стенок и дна, шесть небольших серебристых стустков. И один золотой. Она, нежно касаясь кончиком пальца непонятной парящей субстанции, произнесла:

– Я отдам тебе пневму. Когда ты проснёшься, она единственное, что останется с тобой после этого сна. Если ты решишься, приложи её к сердцу. И скажи: «Та, кто зовётся Смеющейся Богиней, я принимаю твой дар и согласен на договор».

– И всё?

– И всё. – Она снова с нежностью погладила стустки таинственной «пневмы».

Её пальцы перебирали каждый шарик, будто пытались извлечь неслышную мне мелодию. Затем она извлекла из шкатулки золотистый.

– Видишь? Я готова потратить ради прихоти великую ценность! Впрочем, тебе не понять. Если ты не решишься, я хочу получить пневму назад. Прижми к сердцу и скажи: «Та, кто зовётся Смеющейся Богиней, я возвращаю твой дар». Но если ты решишься, мы увидимся ещё один раз. Уже там. В Империи. Я дам тебе три совета и, надеюсь, у тебя хватит мозгов ими воспользоваться. А теперь прощай!

Она вскинула руку, и с неё сорвалась сложная ажурная печать, состоящая, наверное, из сотен символов и рун. Печать ударила в моё тело под сердцем и растворилась, впиталась в него, оставив странное ощущение истомы и пустоты. Вместе с печатью исчезла и она. Женщина, которую в какой-то там империи называли Смеющейся богиней.

Я, переждав ломоту в висках и головокружение, оставшиеся от впитавшейся в меня печати, посмотрел на дверь.

На шарик в руке.

На секунду мелькнуло искушение оставить его на столе.

Но я встал.

Накатил одну за другой все шесть рюмок.

И, закрыв глаза, рванул дверь на себя. Не давая себе задуматься, я тут же всем телом вывалился в дверной проём.

Было бы очень смешно, если бы я брякнулся на заледенелый асфальт посреди Гороховой, на потеху жителям культурной столицы. Но я действительно проснулся в своей постели. И прекрасно помнил весь разговор. А в моей руке пылало маленькое солнце.

Практически не дав себе задуматься, я приложил руку к сердцу и прошептал: «Та, кто зовётся Смеющейся Богиней, я принимаю твой дар и согласен на договор».

После чего Денис Щербинин умер.

Глава 2. Смерть и рождение

В которой я пробуждаюсь в аду, прошу о помощи, теряю сознание, вспоминаю Чехию, умираю и воскресаю, обретаю себя и люблюсь чудесами иномирной архитектуры

Скажете, я дурак? Скажете, не нужно было вот так кидаться в неизвестность? Подумать надо было. Всё взвесить. А я скажу так: «Чего тут думать. Трясти надо».

Сон либо был правдой, либо нет.

Таинственная пневма либо перенесёт меня в тело патриция-маразматика, либо нет.

Все входящие данные у меня уже были. Измениться могла только моя решимость. И если бы я начал раздумывать,

прикидывать хрен к носу,

взвешивать «за» и «против»,

я бы, скорее всего, так и остался Денисом Щербининым, инженером. Это была неплохая жизнь. Но я, втайне даже от самого себя, всегда мечтал о чём-то таком. О чуде, если хотите.

Незнакомка была права. Шанс мне представился уникальный. Если бы я его упустил, я бы потом никогда себя не простил. А если бы ничего не случилось... просто посмеялся бы над фантастическим бредом.

Да и разменять свои сорок восемь на его двадцать два года тоже было немалым соблазном.

После того как я приложил руку к груди и произнёс формулу, мир вокруг затопило золотистое сияние. Свет шёл от вращающихся с бешеной скоростью рун и знаков печати. Похоже, той самой, которую наложила на меня Она. Вокруг не осталось ничего от привычного мира. Куда-то пропала спальня и моя уютная кровать. Я парил в первозданной тьме, освещённой только сиянием колдовских символов.

Я ничего не чувствовал, ведь у меня больше не было привычных органов восприятия. Мой внутренний взор заполнила разрастающаяся печать, руны на которой уже превратились в размытые полосы. Я её представлял! Моё сознание, в отличие от восприятия, работало. Я мог мыслить. Старина Декарт утверждал, что это признак существования. Печать превратилась во что-то вроде сияющего тоннеля, в котором я и утонул окончательно.

Что же. Проверим, насколько правдивы книги о попаданцах. Ведь я теперь один из них. И не: «Шёл, упал, умер, очнулся в другом мире младенцем-архимагом», а по собственному желанию.

Я очнулся от вони. От ужасающего смрада немытого тела и застаревших фекалий. Запястья и лодыжка стреляли импульсами боли. В груди полыхал огонь! Мне было больно и страшно. Но я открыл глаза. Ведь они снова у меня были.

Я находился в небольшой камерке. Моё тело лежало на твёрдой поверхности. Комнатку с шербатыми каменными стенами освещала небольшая лампада, давая возможность осмотреться.

Первым делом я посмотрел на свои руки. Моему взгляду предстали два могучих предплечья, принадлежащих какому-то великану. Ну или чемпиону мира по пауэрлифтингу. Они заканчивались широкими лопатообразными ладонями. Длинные массивные пальцы венчали

давно не стриженные обломанные ногти. А на запястьях красовались металлические браслеты, скованные между собой и покрытые простенькими рунами. Кожа запястий была стёрта до мяса.

Я сел резко, рывком. Левая нога зазвенела цепью. На лодыжке виднелся такой же браслет, как на руках, от которого к ближайшей стене и отходила цепь, продетая через отверстие в каменной кладке. В поле моего зрения попала длинная, спутанная, давно не стриженная борода, торчавшая слипшимися сосульками, с остатками какой-то еды в ней. Или даже не хочу думать чего, если не еды.

В углу стояло деревянное ведро, которое и было основным источником вони в камерке, помимо моего собственного тела.

Пожар в груди всё разгорался и разгорался. Я замычал от невыносимой боли. Казалось, я горю заживо изнутри. Вокруг тела появилось золотистое дрожащее марево.

В этот момент дверь, ведущая в камерку, распахнулась. На пороге стояло человекоподобное существо, закутанное в серые одеяния, с каким-то сложным головным убором на голове. Нижнюю часть лица закрывал кусок серой же ткани.

– Помогите. Пожалуйста, помогите мне! Я горю! Сделайте что-нибудь, помогите мне! – прохрипел я в ужасе.

Фигура в сером всплеснула руками. Затем ещё раз. Но я уже почти не различал, что происходит, медленно погружаясь в агонию. Уже теряя сознание, я ощутил, как будто меня омыло волной живительной прохлады. А может, показалось.

Второе пробуждение было гораздо приятней первого. Удушающая вонь, в которой я очнулся в первый раз, исчезла будто по волшебству. Я чувствовал запах каких-то трав. И лекарств. Лекарственные запахи я ни с чем не перепутаю. Мои родители были людьми старомодными и покупали в аптеках исключительно мазь Вишневского и горчичники.

Мои родители что-то сами покупали?

Что такое аптека?

Что происходит?

Я снова открыл глаза.

Я лежал на мягкой перине посреди большого помещения, заставленного койками, которые сейчас пустовали. Надо мной – высокие каменные своды, поддерживаемые двумя рядами серых колонн. Чтобы уложить моё тело, кстати, были использованы целых две кровати. На одну из местных коек моя новая туша бы не влезла, даже свернись я клубочком. Запястья аккуратно перебинтованы и почти не болят. С ногой та же история. Пожар в груди потух. Бороду явно отмыли и расчесали.

Рядом с моим ложем стоял деревянный стол, покрытый искусной резьбой. Ножки были вырезаны в виде девушек с рыбьими хвостами, а боковую поверхность украшал сложный абстрактный орнамент. На столе стояли какие-то стеклянные колбы, керамические миски и кувшинчики. Вся эта стеклотара и источала запах разнотравья и лекарств.

Я прислушался к себе. Чувствовалась страшная слабость и усталость. Мышцы будто превратились в кисель. Однако почти никаких болезненных ощущений больше не было.

Я глубоко вдохнул. Выдохнул и с трудом сел на кровати, прислонив подушку к деревянной высокой спинке.

Немедленно у одной из колонн шевельнулась тень. Практически неразличимый на фоне колонны человек с маской на лице подошёл к столику и почтительно поклонился. По некоторым косвенным признакам это была женщина.

– Мне бы поесть чего. – я вдруг осознал, что действительно чудовищно голоден. – И объяснений. Где я. И какого демона тут происходит?

Фигура также молча поклонилась, мелкой семенящей походкой уплыла в сторону выхода из помещения... госпиталя?

Это место было похоже на госпиталь. А почему они со мной не разговаривают? И кто эти «они», кстати? Я где вообще?

Кто-то громко и злобно зарычал. Я сперва даже испугался, что мне прямо с госпитальной койки придётся вступить в схватку с неведомым чудовищем. Но почти сразу понял, что зверские звуки издаёт мой собственный живот. На котором, кстати, были кубики пресса! У Дениса их не было никогда.

Кто такой Денис?

Мысли путаются.

Пока я пытался разгрести бардак в своей голове, из глубины помещения послышались громкие шаги. Мой слух сразу определил, что идут два человека. Один чётко впечатывает ноги в пол, второй шаркает чем-то вроде войлочных туфель. Ешкин кот. Раньше я за собой такой остроты восприятия не замечал.

Опять путаница.

Когда раньше? Я вроде с детства тренировался...

Между тем «шаркун» и «строевик» подошли к кровати. Шаркуном оказалась та самая «наверное женщина» в сером.

«Строевик» выглядел как средних лет невысокий мужчина. Чёрные волосы, рыжая борода и усы – первое, что бросалось в глаза. Покатый низкий лоб, широкие надбровные дуги. В глубине глазных впадин тускло светятся глубоко запавшие глаза. Невысокий, с широчеными плечами и руками-брёвнами он выглядел каким-то... основательным, что ли.

Одет он был в наряд, почему-то показавшийся мне смешным. Но потом восприятие снова сделало кульбит... – обычная на нем кожаная куртка-запашка с белёной рубахой под ним. Узкие штаны из грубой ткани коричневого цвета. Из-под спускающихся ниже колен штанов торчат обмотки. На ногах туфли, что-то вроде медицинских бахил из войлока или чего-то похожего. Мужик поклонился.

– Доброго дня, ваша милость! Мы очень рады, что Богиня даровала вам исцеление! Еду сейчас принесут. Что мы можем ещё сделать для самого Максимуса Доримеда? – Говорил коротышка тоже основательно и неторопливо.

Максимус Доримед.

Так меня зовут.

Древнее славное имя.

У меня, кстати, и прозвище есть. Септима Спата. Седьмой меч.

А ещё меня зовут Денис.

– Сначала скажите, где я. И что со мной произошло. Мысли всё ещё путаются. И кто ты? И твоя спутница. Можешь начать с представления.

– Моё имя Брок.

Брок. Без фамилии. Простолюдинское имя. Плеб. Но говорит как человек образованный. Да чтоб меня, откуда я всё это знаю?

Между тем могучий коротышка продолжил:

– Я, во исполнение обета Госпоже, служу в храме Молчаливых Сестёр – спикером. Моя обетная седмица уже подходит к концу, и я невероятно счастлив, что именно мне довелось первым говорить с человеком, которого коснулась Ее милость! Моя спутница – благочестивая сестра Кассандра. Из досточтимой семьи Вирдисов. Она приняла второй обет молчания и не может говорить более пятнадцати слов в день, включая благословения. Она была первой, кто обнаружил, что к вам вернулся разум, и сумела успокоить всплеск пнеумы, которым сопровождалось сие событие. Её тоже коснулась рука богини. Так что она, можно сказать, теперь ваш личный священник в этом храме.

– Так, я в храме Молчаливых Сестёр. А как я сюда попал? Последнее, что помню, как лёг спать у себя в поместье. Я что, заболел?

– Как мне рассказывали сёстры: Матери, Богиня послала сон. Во сне Мать узнала, что избранник Госпожи нуждается в помощи и наставлении. Сёстры тут же были направлены в ваши земли. Когда они прибыли, то обнаружили, что вы лежите без памяти. Сёстры, несмотря на возражения вашей супруги, забрали вас и отвезли в этот храм. Ибо такова была воля Смеющейся. По дороге вы несколько раз впадали в буйство и даже зашибли до смерти обозного слугу. Вас пришлось сковать, чтобы вы не навредили себе и окружающим, ваша милость. Ну а в монастыре вас поместили в келью, служившую спасительным убежищем множеству святых сестёр. Сам дух этого места должен был исцелить вас.

Я непроизвольно содрогнулся, вспомнив ужасающую вонь «кельи». Да уж дух святого места, млять.

– Но вам становилось всё хуже и хуже. Никто уже не надеялся, что вы выживете.

В этом месте монолога сестра Кассандра ткнула его локтем в бок.

– Ах да. Лишь сестра Кассандра до конца верила в милость Богини. Она не только молилась за вас, но и ухаживала за вами, как могла. А могла она не слишком много. И вот. Чудо свершилось в стенах храма. Я даже и не знаю, что ещё сказать...

Сестра показала ему отрывистый жест. Я, кстати, его понял. Он значил – меч. Похоже, мне знаком их язык для глухонемых хотя бы немного.

– Ну и еще, ваш меч. Его тоже забрали из поместья. И Богиня взяла его в руки. Сможете убедиться, как встанете на ноги. Ещё одно чудо!

– Интересно. Как это супруга разрешила меня увезти?

– Ну, я не знаю. – Он искоса глянул на Кассандру. Та тут же взорвалась серией жестикалий. – Благочестивая сестра говорит, что нельзя идти против воли Богини. К тому же у делегации был с собой документ, в котором вы поручали в случае тяжкой болезни доверить вас попечению храма. Но сестра говорит, что ваша душа отсутствовала. Как у мёртвого. А теперь вернулась, сияя пневмой. Богиня не оставила своего избранного!

Я на самом деле тоже частично понимал, что там изображала сестра Кассандра. Переводил этот Дрок довольно точно. В общем, картинка понятна. Богиня, помнится, говорила, что Максимуса убила именно любезная супруга вместе с любовником. Причём каким-то там заклятием. Или проклятием? Неважно. Интересно, этот самый любовник – Владеющий? Или они наняли кого-то со стороны? Ладно, разберёмся. Кстати, я даже подозреваю, кто он такой.

Память Максимуса работала всё чётче и чётче. А вот память Дениса подёрнулась какой-то мутной пеленой. Всё шло, как и обещала женщина, которую здесь называли Смеющейся богиней, собственно.

Пришлось прервать лекцию, потому что очередная серая фигура принесла мне поднос с едой. И моё внимание полностью поглотили наполненные снедью тарелки.

Еда была простой. Но приготовлено всё было отменно. Никаких жаренных на вертеле целиком баранов или там ломтей подгоревшего мяса, или овощей ещё в земле прямо с грядки, как я подсознательно ожидал. На стол поставили огромную деревянную миску с густой похлёбкой или рагу. Не знаю точно. К этому изумительно пахнущему блюду прилагался... ну, наверное, салат, политый каким-то замысловатым соусом, и кувшин пива. Также сбоку, на подносе, лежал нарезанный ломтями сыр и примерно полбуханки серого ноздреватого хлеба.

Максимум внутри меня презрительно сказал: «Отвратительно, еда из обычной трапезной». Я же, наплевав на этот пищевой снобизм, схватил поднос дрожащими от жадности руками.

Под громогласное урчание желудка я приступил к своей первой трапезе в новом мире. Похлёбка была просто изумительная. Что-то похожее я ел в Чехии. Я туда катался несколько раз с целью гастрономического туризма.

Куда катался?

Кто я?

Денис?

Наверное, так. Прекратив копаться в собственной голове, я всего себя посвятил поглощению божественного блюда.

После трапезы мне стало очень хорошо. Глаза отяжелели, и я почти мгновенно заснул. Вот проснусь, подумал я угасающим сознанием, пойду, меч заберу и на подвиги.

Зачем мне подвиги?

Какой ещё меч?

Проснусь, а там моя двушка на Петроградке. Потолки три с половиной... На этой мысли я отключился.

Я зря думал, очнувшись в госпитале, что теперь всё пойдёт как по маслу. Встану, мол, с больничной койки. Заведу себе эльфийско-оркский гарем. Быстренько выучу магию. Ну и императором стану, как без этого! Помнится, даже у какого-то вшивого великана из одной книги фэнтези гарем был. В семь красоток. Или пять.

Но новая реальность поначалу принесла мне лишь боль и страдания.

Приступы не прекратились. Я сгорал в пламени золотистой пневмы и возрождался заново, после вмешательства сестры Кассандры. Мысли и воспоминания в моей голове перемешались, и я с трудом осознавал, кто же я такой. Несколько раз во время приступов я думал, что сдохну. Вот тебе и гарем с императорским тронem. Раскатал губу Дениска. Плохой мог выйти конец истории.

Периоды припадков сменялись перерывами, в которые я чувствовал себя более или менее нормально. Новый мир крутился вокруг моей больничной койки безразличный и молчаливый, оставляя мне только возможность созерцания серого каменного потолка, на котором я знал уже каждую трещину. Думаю, я вполне мог сойти с ума от боли. Или потерять себя при совмещении памяти. Или моя душа могла «сгореть» от избытка пневмы.

Но я выжил.

Однажды, спустя две недели моего пребывания в обители Молчаливых Сестёр, я проснулся утром и обнаружил, что всё закончилось. Вернее, у меня откуда-то появилась чёткая уверенность в этом. Я кристально ясно соображал. Память двух людей из разных миров, наконец, сплавилась в одно целое. Я чувствовал духовную энергию – пневму своего тела, но она больше не причиняла мне боли. Только ровно, в один ритм с сердцем, пульсировала где-то внутри.

Я встал с кровати. Никакого головокружения. Никакой слабости. Нет, я чувствовал, что мышцы моего нового тела слегка одрябли, но понимал – это поправимо.

Откуда-то слева вынырнула сестра Кассандра. Она всё это время была моим бессменным спутником и ангелом-хранителем. Собственно, если бы не она, я бы, скорее всего, не выжил.

Хотя... Думаю, Молчаливые Сёстры не дали бы духовному пламени сжечь меня в любом случае.

– Ты. В порядке. – показала Кассандра.

– Да. Я чувствую себя... заново родившимся!

– Ты. Иди за мной! Я должна отвести тебя к алтарю.

Кажется, я начинаю всё лучше понимать её жесты.

– Идти за тобой? – Кивок. – И ты отведёшь меня к алтарю? – Ещё один кивок. Веди же меня, «безумная девица»!

Кассандра подошла ко мне вплотную, так что я рассмотрел длинные, прямые ресницы. И цвет радужки. Глаза были ярко-зелёными, цвета свежей листвы. Встав на цыпочки, она оттянула мне веко. Глаз автоматически закатился вверх. Она отпустила меня, отряхнула руки. Кивнула собственным мыслям и, повернувшись ко мне спиной, устремилась на выход из госпиталя.

Я, пожав могучими плечами, последовал за ней. Скорее всего, ей не понравилась моя цитата из Высоцкого.

Ну, простите. Привыкайте, ребята.

Пока мы шли по монастырю, я пытался понять, что же во мне изменилось. Кто я теперь? Вывод однозначен. Я – Денис Щербинин. С памятью Максимуса Доримеда, в основном.

Мои жизненные установки, некоторые привычки, загоны и тараканы... В общем, моя личность осталась со мной. Личность человека – не память как таковая, а наработанные паттерны поведения и некоторые психологические установки. От Максимуса в этом смысле не осталось ничего. От Дениса многое. Это был, конечно, не идеальный расклад. Наверняка моя взращённая в двадцатом земном веке личность вообще не подходила для жизни в этой самой империи. Но сданные карты надо не обсуждать. А играть ими.

Монастырь Смеющейся был величественным, монументальным строением. И, судя по расходящимся повсюду трещинам и стёршемуся камню, очень древним. Потолки во внутренних помещениях тонули во мраке, возносясь на недостижимую взгляду высоту. В архитектуре монастыря было что-то от готики, но в то же время отовсюду проглядывало что-то чуждое, незнакомое. В галереях, по которым мы шли, не было никаких изображений, фресок, резьбы или фигурных элементов. Всё такое... строгое, простое. Только прямые линии и острые углы. Голая геометрия без украшательств. Собственно, о готике напоминали только высокие потолки и стрельчатые арки проходов.

Мы пересекли три галереи и вышли на солнечный свет во внутренний двор. Я даже замер на миг, подставив лицо солнечным лучам. Так приятно было после постоянного сумрака госпиталя снова увидеть солнце. Небольшое красноватое светило находилось в зените. Было тепло. Пахло степным разнотравьем, летом, почему-то свежим снегом и немного дёгтем.

Сестра Кассандра даже и не думала останавливаться, мне пришлось догонять её чуть ли не бегом. Мы свернули направо и вошли мимо распахнутых бронзовых дверей в центральный вход. В святилище.

Здесь Максимус ещё ни разу не был. Даже меч ему в прошлый раз вручали во дворе, который они с Кассандрой только что покинули. Теперь же я был допущен в святая святых.

Прямой, как стрела, коридор был покрыт фресками. Каждая стена была разбита на квадраты. Фреска в каждом квадрате посвящена одному сюжету из Святой Книги. Всего их на стенах должно было быть пятнадцать. Пятнадцать подвигов-чудес Богини, символизирующие пять главных добродетелей и десять грехов. Прямо как у нас десять заповедей.

Что характерно – убийство в рамках представления этой леди грехом не считалось. Богиня сама направо-налево превращала нечестивцев и еретиков в неаппетитный фарш. Что и было довольно реалистично отражено в настенной росписи, мимо которой мы шли. Эти сюжеты были каноническими, и их можно было увидеть в любом храме или иллюстрированной Книге Пути. Единственное, чем выделялись здешние художества, – своей древностью. Считается, что эти фрески скопированы с тех, которые рисовал один из Спутников Госпожи.

Полезно все же иметь память предшественника!

Коридор закончился широким арочным проёмом, и мы, наконец, зашли в алтарный зал. Здесь потолки вновь устремились ввысь. Из узких, закрытых цветными стёклами окон в заднюю стену помещения били яркие пучки света. В фокусе этих импровизированных светочей находилась статуя Богини.

Смеющаяся сидела в позе лотоса. С прекрасного обнажённого плеча ниспадали складки туники. Лицо скрыто полумаской, рот искривлён в вечной усмешке. Статуя выглядела как живая. В обнажённых руках Богиня сжимала меч.

Кассандра остановилась, благоговейно склонив голову.

– *Иди. Возьми клинок. Приблизься* – показала она мне.

Сама она опустилась на колени и сложила руки перед грудью в молитвенном жесте.

Я приблизился к статуе.

Никакого священного трепета я не испытывал, я же с богиней в баре водку трескал. Вернее, наливки, и я трескал, а она вещала. Ну, вы поняли.

Меч был больше всего похож на расплющенный рельс. Широкий двуручный клинок, напоминающий земной аналог меча палача. Кроме длины и формы лезвия, которое, по моим прикидкам, достигало метра восьмидесяти, может, чуть меньше, двуручная рукоять – ещё сантиметров сорок. Здоровенная штука. А уж весит, наверное...

Рукоять меча была прочно зажата в каменном кулаке статуи и выглядела так, будто была изготовлена вместе с изваянием. Лезвие лежало на открытой ладони левой руки. Я неуверенно обернулся на Кассандру. Шутки, что ли, такие шутят?

Та уловила мои колебания, показала:

– *Бери! Один раз она уже отметила тебя! На колени встань* %^\$\$#& – дальше следовал жест, значения которого я не знал. Но догадался. Что-то вроде «дятел».

На колени становиться не хотелось. Низкопоклонством попахивало. Поэтому я нашёл компромисс: опустившись на одно колено, я решительно взялся за рукоять меча. Чувствовал я себя при этом дурак дураком.

– Я пришёл, Богиня! – мой голос раскатился под сводами зала. Ничего себе здесь акустика! – Пришёл за своим мечом! Я Максимум Доримед.

Дерзко. И тупо. Но мне ничего лучше в голову не пришло.

Смотря на круглые симпатичные коленки статуи, я вдруг почувствовал, как моё сознание уплывает.

Что это – наказание за наглость? Или приглашение на аудиенцию?

Глава 3. Давать совет охотников довольно, а исполнителей не больно

В которой я разбираюсь в себе, встречаюсь со Смеющейся Богиней второй и последний раз, получаю ответ на вопрос и два дурацких совета, обретаю священный меч, испытываю приступ агорафобии, получаю новую одежду

Это оказалась аудиенция.

Как только я договорил, я очутился в знакомом баре.

Богиня сидела на высоком барном стуле у стойки и смотрела на меня с той же загадочной усмешкой, что и статуя до этого. Собственно, я видел перед собой копию храмовой статуи, только сидящую в вольной позе, нога на ногу.

– Выжил всё-таки, – сказала она, оглядывая меня через прорези маски с ног до головы.
– Молодец, Денис. Игра начата.

И она звонко расхохоталась, глядя на мою оторопевшую физиономию. Нехороший это был смех. В нём чудился скрежет стали, шипение крови, льющейся на горячий песок, хрип умирающих и вой обезумевших берсерков. Но именно что чудился. Звучал же он как перезвон хрустальных колокольчиков.

Богиня или Странница, или кто она там, – отсмеявшись, замолкла.

– Вы мне в прошлый раз обещали три совета дать. А можно ещё и на вопросы ответить, госпожа? – машинально добавил я.

Несмотря на божественную во всех смыслах фигуру и очень приятное пропорциональное лицо, от неё в этот раз веяло какой-то невыразимой жутью. Кровью и боевым безумием. Так что хамить я ей, если честно, теперь опасался.

– Что, сработала пневма? Чувствуешь наконец, с кем говоришь?

– Честно говоря, довольно смутно. Но страшновато, да.

– Не бойся, Денис. Ты просто теперь ощущаешь отголоски моей истинной сути. Ответить на «вопросики»? Это не входило в условия договора. Но я так довольна, что твоя душа не распалась и ты не сошёл с ума! Поэтому я позволю тебе задать вопрос. Один. И я отвечу на него максимально подробно. Ибо вижу: нас и впрямь свела Судьба, что стоит выше любых бессмертных. А Судьба не любит скупцов и мелочных сутяжников.

Вот стерва! Получается, она вообще не рассчитывала на то, что я выживу? Типа «Попытка не пытка, правда, товарищ Берия?»

Она, очевидно прочитав мои мысли, снова расхохоталась. Я же сосредоточился на том, что бы такое спросить, чтобы не облажаться.

– Хм. Про мир я и так знаю достаточно. Ну, на уровне этого провинциального латифундиста. Что не знаю, то вспомню. Или узнаю. Я хочу спросить про магию. Только вот пытаюсь понять, что именно спросить. Как сформулировать...

– Да прекрати ты юлить, смертный. Я не мелкий бес эфира, чтобы обманывать или пытаться утаить правду. Можешь задать свой вопрос в общих чертах – я отвечу.

– Ну я вот хочу научиться кидать там огненные шары или магический доспех ставить и ещё всяким таким штукам. Вопрос, собственно, в том, как начать практиковаться. Силу я вроде чувствую. А дальше что? Только не говорите, что обязательно надо найти учителя или там волшебную книгу. Вернее, скажите, если без этого никак, но я бы сам...

Она снова расхохоталась. Я умолк. Ничего смешного я в своей фразе не видел. А смех у неё был реально жуткий.

– Я же говорила тебе, что жители твоей планеты имеют весьма примитивные понятия о магии. Какие шары? Какой доспех? Даже если не брать чудовищный расход пневмы на такие фокусы, у меня к тебе как к инженеру простой вопрос: а зачем они нужны?

– В смысле? Ну там боевые заклинания, защитные...

Чувство «дурак дураком» вернулось.

– В чём цель огненного шара, Денис?

– Ну, зажарить противника. А лучше десяток!

– То есть убить. Ты, конечно, не был врачом в своём мире. Но вроде понятие о том, насколько хрупок человек, должен иметь. Чтобы убить человека или десяток... да хоть сотню! Вовсе не обязательно разогревать воздух до температуры плазмы и швыряться им, как гоблин камнем. Или создать из ниоткуда гигантскую сосульку-убийцу. Это крайне затратный и неэффективный способ убийства. Проще остановить им всем сердца. Или перекрыть трахею. Энергии нужно совсем немного, и враги гарантированно умрут. А ещё не смогут увернуться. Понимаешь, инженер, о чём я?

– Понимаю, – хмуро ответил я.

– Магия... В первую очередь Владеющий – это рационально мыслящий человек. В вашем мире таких назвали бы учёными. Чтобы преобразовать мир вокруг себя или добиться конкретного результата, надо понимать, как и что в этом мире устроено. Если хочешь убивать – выучи анатомию, Денис. Владеющий должен получить желаемый результат с наименьшими усилиями. Забудь все домыслы о стихиях и прочей чуши. Никаких полуперсонифицированных сил в мирах, которые я видела, нет. Есть лишь эфир. Отголоски мыслей Бога. Настоящего бога. Демиурга. Не такого, как мы – Странники. Энергия созидания. Тёмная материя. У эфира много имён и объяснений, но ни одно из них нельзя назвать истиной. Тебе это и неважно.

– А что важно... Богиня?

– Эфир может быть преобразован в конкретное действие посредством силы человеческой души. Чем больше эфира может преобразовать душа, тем более серьёзный можно получить результат. Тот же твой огненный шар, в принципе, достигим. Эфир можно преобразовать во что угодно. Но тратить силу души на такие изыски неразумно.

– Да, Смеющаяся. Я понял.

– Итак. Первый компонент силы Владеющего – развитое взаимодействие души и эфира. Второй – острый ум и знания о том, как устроен мир вокруг него. И третье. Назовём это воображение и воля. Воображение позволяет представить результат действия эфира. А воля – заставить его принять нужную форму.

– А конкретика будет? – спросил я с некоторой досадой. – Делать-то что?

– То, что я тебе сейчас открыла, – основы. Поверь. Далеко не каждый мастер, владеющий эфиром, сможет изложить тебе всё так же просто и без наносной брехни из псевдофилософии или ещё какой-нибудь чуши. А что делать... Каждая школа магии по-своему использует эфир. Кто-то представляет результат в виде знаков, якобы универсального языка, творящих нужные действия. Кто-то тратит энергию на физическое воплощение эфира, что-то вроде твоих дурацких огненных шаров. Некоторые маги верят в закон подобия и закон распространения и используют их. И всё это работает. Понимаешь почему?

– Догадываюсь. Не совсем дурак.

– Никаких «школ» магии не существует в привычном тебе понимании. Всякие там «огневики» или «некроманты» – всё чушь. Нет, люди любят возводить искусственные препоны на пути к могуществу. Но суть в том, что эфир может всё. Бывает, что у человека талант эмпа-

тии, например, и ему легче даются манипуляции с чужим сознанием. Из этого можно создать «школу» менталистики. Но не нужно. Эфир универсален, мой юный падаван. Ясно?

– Ясно. Яснее не бывает. Цитата про «падавана» тоже из моей головы?

– Конечно. Так твоё сознание проще запомнит основы. Последнее. Ранги, уровни и прочая ерунда. У вас любят выдумывать такое. Да и в империи тоже. На самом деле есть всего три уровня постижения магии.

Первый – *magia instrumentalis*. Владеющий использует эфир как инструмент в своём земном бытии.

Второй – *magia harmonia*. Гармонический резонанс между эфиром и душой. При его достижении ты будешь считаться этим твоим «архимагом». Мир будет меняться лишь от твоего желания.

И самый возвышенный и утончённый – *magia mundana*. Музыка Вселенной. Космическая гармония небесных сфер. Она непрерывно отзывается в вечном движении планет и звёзд. В смене времён года. Человек, постигший её, становится Странником и входит в сонм бессмертных.

Она замолчала и взглянула на меня.

– Я ответила на твой вопрос. Но я чувствую, что в глубине души ты считаешь себя обманутым. Вот семь первичных упражнений по управлению эфиром.

Она швырнула в меня семь золотистых рун, которые впитались в мою голову.

– Не говори, что я не щедра. Занимайся. Добейся чёткого взаимодействия души и мировой энергии. Освой хотя бы *magia instrumentalis* на низшем уровне.

– Благодарю тебя, богиня. Ты и правда ответила на мой вопрос.

– Теперь то, зачем ты здесь. Мои советы важны с точки зрения Игры. Даже если ты сейчас не понимаешь их значения, постарайся понять позже.

Стены бара внезапно начали терять очертания. Только образ богини как будто загорелся собственным внутренним светом.

– В этом мире правит сила. А жалость – это слабость. Но твоя сила в голове. Думай!

Пространство вокруг потемнело. Мы с ней висели в бездонной тьме, которая постепенно расцветала кислотными разноцветными мазками.

– Найди принца. Спаси принца. В нём твой шанс стать частью истории.

Позади неё распахнулся огромный демонический глаз. Он слепо шарил в пустоте. Искал. Меня охватила иррациональная жуть.

Губы богини шевелились, но третий совет я так и не услышал. И всё же, перед тем как выпасть из этого видения, я знал: когда придёт время – я вспомню.

– Какого демона! Какой ещё на хрен принц? Почему не принцесса-то? – я понял, что говорю вслух.

Я стоял на колене перед статуей, держась за рукоять меча. Ладонь Богини, раньше сжимавшая рукоять, была разжата. Как там у Оскара Уайльда? «Лучшее, что можно сделать с хорошим советом, – это пропустить его мимо ушей. Он никогда не бывает полезен никому, кроме того, кто его дал». Актуально для меня.

– Спасибо, конечно, за этот кусок железа, но вопросик с принцессой хотелось бы прояснить. Я же попаданец, как-никак. Мне просто по штату положено находить и спасать принцесс. Ну потом их... того. А не вот это вот всё!

Пробурчал я себе под нос, поднимаясь с онемевшего колена и забирая меч с алтаря. Откуда-то из глубин мироздания до меня донёлся похожий на ляз мечей смех. Меня передёрнуло. Понял, не дурак. Принцессы в программе не предусмотрены. По крайней мере, судьбоносные.

Кассандра с благоговением смотрела на лом в моих руках. Вот отчего не на меня, такого красивого? Я вообще, может, с богиней её сейчас беседовал.

Я напряг память, пытаюсь вспомнить, что я знаю об этом мече. Может, он магический какой. Но ничего особенного в голову не приходило. Меч и меч. Гибкий. Прочный. Заточка под «ромб». То есть её не было. Однако в руках он лежал привычно. И я вдруг осознал, что при моей мускульной силе он был не такой уж и тяжёлый. Шесть-семь килограммов примерно. И у меча было имя. *Lux Aeterna* – Вечный Свет на древнем языке. Светлячок, короче.

– *Идём. Тебя ждёт Мать. Тебе здесь больше не место!* – прожестикнула мне сестра Кассандра.

Я послушно отправился вслед за ней, инстинктивным движением вскинув Светлячка на правое плечо.

Мы прошли обратно мимо старинных фресок. Вышли во двор, и бронзовые двери медленно закрылись за нашими спинами. Уверен, что слышал при этом гул механизмов, спрятанных в толстых стенах.

Сестра Кассандра снова пересекла двор, и мы начали подниматься по узкой спиральной каменной лестнице, искусно вырезанной вокруг боковой колонны. Едва мы поднялись над уровнем стен дворика, я испытал острый приступ агорафобии.

Мы находились выше стен монастыря, здания которого были выдолблены в скале ближе к вершине здоровенной горы. Внизу лежала зелёная долина, в которой расположился город, казавшийся отсюда своей миниатюрной картой. Город пересекала тонкая ниточка реки, растворявшаяся в голубизне бескрайнего моря. Налетевший порыв ветра чуть не швырнул меня в маячившую внизу зелёную бездну. Я ощутил резкую тошноту и головокружение. Я бы встал на четвереньки и пополз дальше так, но меч этот... Разве что вниз его бросить. Но боюсь, такого святотатства здесь не оценят.

Переждав приступ головокружения и смотря под ноги, я осторожно опёрся остриём Светлячка о каменную ступеньку. Сразу стало легче стоять. Так – глядя строго себе под ноги и опираясь на меч как на костыль – я и поднялся ещё на несколько пролётов вверх, с ужасом думая про обратный путь. К счастью, лестница оказалась не очень длинной. Место, куда вела меня Кассандра, находилось прямо над коридором, ведущим в алтарный зал.

Небольшая пещера естественного происхождения, в которую мы вошли, была сырой и неуютной. А ещё я ощущал здесь нечто... как будто невидимый и почти неосознаваемый ветер. Или невесомое прикосновение паутины к голой коже. Благодаря семи первичным упражнениям – подарку богини – я понял, что ощущаю плотные потоки эфира.

Посреди пещеры всё в той же позе лотоса сидела пожилая женщина с закрытыми глазами в сером балахоне. Характерный для сестёр обители головной убор или вуаль на лице отсутствовали. Поэтому сразу бросался в глаза зашитый плотными стежками рот старухи. Да демонская же отрыжка! Что-то многовато на сегодня впечатлений для меня.

Эфир взвихрился.

Потёк.

Старуха распахнула выцветшие глаза и впилась в меня взглядом, прожигаящим душу.

Надо сказать, после того хтонического зыркала, которое пялилось на меня из расцветченной кислотно-яркими плевками пустоты, взгляд старушки с зашитым ртом не должен был меня особо впечатлить.

Однако по спине побежали мурашки. Организм подавал мне сигналы опасности. И тогда я применил упражнение номер три из тех, которые дала мне Смеющаяся. Уплотнил свою пневму внутри и резким толчком выплеснул её навстречу иглам взгляда пожилой монахини, которые чувствовал почти физически. Сделал я это неосознанно, практически на рефлексах.

Секунду ничего не происходило, а потом сила, исходящая от старухи, потускнела.

Чувство опасности ушло.

У старухи задёрнулись зашитые губы. Я сперва подумал, что она пытается что-то сказать, но потом понял. Это было подобие улыбки.

Мать, а это не мог быть никто другой, взорвалась ворохом жестов, обращённых к моей спутнице. Та отвечала ей так же быстро, склонив голову и искоса глядя только на искореженные артритом пальцы.

Из их безмолвной беседы, которая длилась не более двух минут, я не понял ничего, кроме отдельных жестов. Мать о чём-то спрашивала Кассандру, а та ей отвечала. Причём было заметно, что Сестра на чём-то настаивает. В конце концов мать снизила скорость распальцовки, скорее всего специально для меня.

– Что же. Я не могу оспорить волю нашей Госпожи. Приведи его в порядок, подбери приличную одежду. Он должен выйти отсюда не похожим на нищего бродягу, а достойным своего звания господином. А теперь отвернись. – Кассандра повернулась к ней спиной. Мать взглянула на меня. *– Твоя милость. Ты больше не нуждаешься в лечении и не можешь больше здесь оставаться. Да и за порогом нашего монастыря тебя ждут незавершённые дела. Тебе необходимо знать: тебя почти убило заклинание, выпущенное любовником твоей жены. Святотатцы, поднявшие руку на избранника богини, должны умереть. Если у имперских властей возникнут к тебе вопросы, я поручусь за то, что твои действия были угодны Ей. Получи моё благословение.*

Я настолько чётко разобрал её послание, потому что все жесты она дублировала мысленной речью. Она говорила со мной прямо в моей черепушке!

Старушка, кряхтя, поднялась с пола и оказалась ростом мне по грудь. Кассандра просигналила:

– На колено! Пригнись, твоя милость.

Я второй раз за день опустился на одно колено и склонил голову. Мать подошла ко мне и, оторвав от рукава серую полоску, завязала её на манер банданы вокруг моей головы. Даже когда я встал на колено, она еле-еле доставала руками до моей головы. Магистр Йода – новый облик, ага. Мать прикоснулась ладонью к моему лбу, и я почувствовал сильное эфирное воздействие. Старуха вдруг сгорбилась, как будто не пять метров прошла, а только что разгрузила тачку с углём, махнула нам:

– Можете идти, избранник, сестра... – и поплелась на своё место посреди пещеры.

Как мы спускались обратно, я умолчу. Упомяну только, что трижды чуть не навернулся с лестницы и дважды при этом чуть не обмочился.

Меня привели в помещение, которое не могло быть ничем, кроме купальни. От бассейнов, выложенных изразцовой плиткой, валили клубы пара. Меня, раздев, погрузили в один из них. С благоговением сестра Кассандра указала мне на лоб. Остальные «банщицы», числом три, тоже смотрели мне на голову, как будто там вырос третий глаз или, скажем, рог.

– *Сними сам. Мы не смеем касаться благословенной ткани.*

Я аккуратно, боясь порвать ветхую тряпочку, снял её с головы. В руках я держал хайратник без швов или узелков, хотя отчётливо помнил, что старуха завязывала узел на моём затылке. Он был белоснежным, а структуру имел вроде эластичного бинта. Посередине красовался сложный алый символ, означавший знак Смеющейся, как подсказала мне память Макусуса.

Я пожал плечами и положил тряпку на край бассейна. И на меня сразу навалился весь сегодняшний день. Мышцы гудели, желудок жалобно подвывал. Голова болела – висок простреливало острой болью. Я с уважением глянул на «тряпочку». Пока она была на голове я всего этого не ощущал! Ничего себе благословение. Мой второй артефакт в этом мире, если первым считать Светлячка.

Сперва меня побрили наголо. Я уже знал, что бритая особым образом голова – это знак моего сословия. Потом меня «спросили», что делать с бородой и усами. Я без всяких сожалений попросил их тоже сбрить.

После бритья мне долго втирали в голову и лицо какую-то жёлтую, вонючую, как бальзам «Звёздочка», мазь.

Как объяснила Кассандра: *«Чтобы волосы не отрасли».*

Дальше меня еще долго отмывали, умащивали маслами и делали массаж.

Если вы думаете, что делали это обнажённые юные красотки, то хрен там плавал. Сёстры не снимали балахоны и маски даже в этой парилке. Причём, по ощущениям, парочка, которая обслуживала меня, была ещё и достаточно пожилой.

Процедуры буквально вернули меня к жизни. После купания я надел обратно свой волшебный хайратник. Интересно, а на бритой голове он как должен называться? Лысятник? Чего только в голову не придёт, лишь бы не думать о том, что со мной происходит.

После этого мне помогли одеться. Чувствовалось, что моему телу привычна такая ненавязчивая помощь.

Главное! В этом мире было нижнее бельё. Что уже настраивало меня на позитивный лад. Меня облачили в некое подобие семейных труселей и короткой туники, похожей покроем на футболку. Затем натянули на ноги слегка шароваристые штаны из синей ткани, расшитые какими-то жёлтыми загогулинами, как гусарский ментик. Торс завернули в запашную рубаху с собственным мягким поясом и выпущенными поверх штанов разрезными полами. А поверх всего этого накинули какую-то помесь плаща, камзола и смокинга.

На Земле такую одежду носили разве что какие-нибудь шоумены или модели на показах безумной моды. В империи же подобная клоунская штука была вполне законной верхней одеждой благородного сословия. Я так понял, моё облачение было ещё довольно скромным. Почти однотонным и расшитым тускло-жёлтым шнуром. И да, тоги здесь тоже носили, но они считались церемониальными или праздничными одежаниями.

Под конец я был всунут в сапоги для верховой езды из плотной кожи, снабжённые обитыми металлом, со слегка выступающим назад шипом, каблуками. При ходьбе я теперь звенел

как передвижная скобяная лавка. У сапог имелись спущенные на шиколотки отвороты, которые при разворачивании доходили бы мне аккурат до середины бедра.

Для меча мне выдали расписанное священными символами алое покрывало. Завернув в него клинок, свёрток обмотали серебристым шнуром. Я тут же «вспомнил», что обнажать оружие в городе за пределами специальных площадок для поединков или тренировок запрещено. Штраф за «голую сталь» был довольно чувствительным.

Кассандра одобрительно осмотрела меня и кивнула, хлопнув в ладоши. Мокрые фигуры в серых балахонах испарились из поля зрения.

– Идём. Тебя ждёт слуга. Здесь мы закончили.

Уважаемые читатели. Если вы открыли эту книгу на любом сайте, кроме <https://author.today/work/410269> Или <https://www.litres.ru/author/danil-kogan/> значит она ворованная.

Автор уведомляет вас, что вы, скорее всего читаете сырой неотредактированный и не вычитанный текст. Единственный законный экземпляр этой книги, который продает автор находится здесь <https://www.litres.ru/author/danil-kogan/> <https://author.today/work/410269>

Глава четвёртая. Меч молодец, а пуль нету

**В которой я обретаю неожиданных попутчиков,
знакомлюсь с местной фауной, покидаю обитель и
сталкиваюсь с местной магией и гостеприимством**

Из купален мы вышли на открытую площадку за монастырскими зданиями и дошли до очередной грандиозной стены, опоясывающей весь комплекс монастырских построек. Внизу виднелась мощёная площадка, на которой копошились люди и животные. Отсюда они выглядели карликами. Навскидку высота здесь была метров шестьдесят. Стена под нами переходила в обрывистую скальную породу. Мне всё это сооружение чем-то напомнило «Мон-Сен-Мишель» – французский монастырь на острове, попасть в который можно было тоже только во время отлива, и то только к подножию стен.

Рядом с нами находилась платформа подъёмника. Недалеко располагалась клетка с поворотным кругом. В клетке, упираясь руками в рычаги, стояли шестеро бородатых мужчин с длинными волосами, в кожаных ошейниках и серых балахонах. Мы зашли в этот средневековый лифт, работающий на рабской тяге. Мужики что-то выкрикнули, налегли на рычаги. Платформа дёрнулась и плавно опустилась на десять метров.

После чего нам через переходную площадку пришлось перейти на новую платформу. Таких переходов, до того как мы оказались у подножия горной стены, было шесть.

– Монастырь брали штурмом? Когда-нибудь? – спросил я у Кассандры, которая, видимо, решила проследить, что я точно убрался прочь, и поехала вниз вместе со мной.

– *Только нижние уровни. Наверх без разрешения Матери не ступил еще ни один человек. Осаждали восемь раз за тысячу лет, с моменты его основания. Трижды захватчики дошли до подъёмников.*

– А зачем тогда строить его так высоко?

– *Священное место. Первый храм разрушен. Теперь мы первый храм.*

– Верхний монастырь выглядит совершенно неприступным.

– *Да. Пока войны не научатся летать.*

На этом жизнерадостном высказывании мы прибыли.

– *Нижние уровни.* – Она провела рукой вокруг нас. – *Идём. Дом. Потом стойла.*

– Жест перед «дом» я не понял.

– *Идём. Ты слишком много говоришь.*

Да уж. Я-то, конечно, трепло ещё то. По сравнению с Кассандрой все вокруг трепло.

Я огляделся. Здесь было многолюдно. Всюду сновали плебы. Забавно, работала память Максимуса. Стоило мне посмотреть на какой-то предмет или явление, и я понимал, как он называется или что это из себя представляет. Но пока что работало всё... с небольшими задержками.

Плебы – простолюдины империи. Низшее сословие. Они отличались от благородных не только одеждой или манерами. Отличие было на физиологическом уровне. Плебы – в основном коренастые, плечистые бородатые мужики. Невысокие широкобёдрые женщины с массивными

грудями. Самый высокий из них доставал мне макушкой до плеча. Мы с сестрой Кассандрой возвышались над суетящейся толпой, как Лахта-центр над хрущёвкой.

Вокруг располагались каменные постройки. Метрах в трёхстах виднелись крепостные стены.

Кассандра решительно двинулась вперёд.

Толпа плебов расступалась перед нами, словно волны перед носом быстроходного судна. Ближайшие кланялись на ходу. Кто-то робко тянулся к краю одежды Молчаливой Сестры. Она на ходу раздавала благословения, действуя на автомате. Мы подошли к четырёхэтажному каменному дому, и здесь я обнаружил первую проблему.

Смеющаяся, помнится, сказала, что мои навыки в этом мире бесполезны. Я ещё хотел спросить, а как же навык чтения и письма. Некоторые герои книг, попавшие в иной мир, делали «тайные» записи на русском языке.

Я, в перерывах между приступами, пробовал. Написать что-нибудь по-русски у меня не вышло. Рука выводила какие-то чудовищные каракули, лишь отдалённо похожие на буквы моего родного алфавита. Проще говоря, писал я теперь хуже первоклашки.

Теперь же я пялился на вывеску: «Странноприимный дом под омелой» и понимал, что и с языком империи-альтосом у нас с Максимусом проблемы. Нет, вывески я разбирал. Но как-то сразу стало понятно – вывески единственное чтиво в его жизни. Если не считать трактатов о фехтовании и похабных лубков. Но там в основном Максимус рассматривал картинки.

Писал же мой герой с чудовищным количеством ошибок. Поэтому не писал сам, а предпочитал диктовать письма рабу-лектору.

Здравствуй, жопа, Новый год. Магия-хренагия. Сперва придётся учиться элементарной грамоте. Неумение читать и писать для патрициев было здесь явлением повсеместным. Для некоторых членов благородного сословия такое «отличие» от грамотных рабов было даже предметом гордости.

Сестра Кассандра подозвала какого-то плеба. Показала ему несколько жестов и вручила оловянную, на вид, бляху. Тот услужливо поклонился, распахнул дверь странноприимного дома и исчез внутри. Я заметил, что потолки на первом этаже были довольно низкими, чтобы мы с Кассандрой чувствовали себя там неудобно.

– Что мы здесь делаем?

– *Ждём твоего слугу.* – Она поправила повязку на лице. – *Он здесь уже три недели. Наверх ему было нельзя. Он друбожник.*

Друбожник – означало поклонник другого бога, не Смеющейся.

Спустя пять минут дверь в странноприимный дом распахнулась, и оттуда выскочил крепкий немолодой мужчина, одетый в простую короткую тунику и холщовые штаны. Увидев меня, он ничком повалился в пыль, попытавшись поцеловать мой сапог. Я от неожиданности отдернул ногу, и он клюнул лицом в уличную пыль.

– Вашмлсть, вы живы! Серые стервы говорили мне, но я не верил. Думал, хотят вытянуть из меня все деньги на постой в этой дыре. Какое счастье, господин!

– Встань, – я пошарил памяти, – Друз. Почему ты здесь?

– *Скажи ему, что друбожникам, оскорбляющим Госпожу или её служанок на территории монастыря, вырывают языки.*

– Я не верил, что вы погибнете, – непоследовательно заявил он. – Плюмбату им всем в жопу! А Серые взяли только вас, в одной ночной рубашке, и ТОТ меч. Так что привёз я ваши вещи и скакуну вашего. И со мной ещё двое парней. Остальные охраняют виллу.

– Если ты не прекратишь оскорблять Серых сестёр или что-нибудь ляпнешь про их Госпожу, тебе вырвут язык. И я не смогу тебя защитить. На этой территории Мать имеет право суда. И монастырь устанавливает свои правила.

– Я понял, господин. – Он поднялся на ноги. – Но мы ведь сейчас уедем отсюда, гладий им в пи... глотку?

– Да. Домой. – Я сказал это на автомате и только после подумал, что вилла на границе цивилизованных земель и вправду теперь мой дом.

Друз заухмылялся, обнажив ряд верхних железных зубов. Ничего себе у них стоматология!

– Дозвольте, вашмлсть, снарядиться. Я быстро!

– Давай, Друз. А где мои люди?

– Так в стойлах же. Здесь дерут за место в общей спальне, как будто целиком виллу сдают, спату им в... Адовы... В общем, бегу!

Друз явился через пятнадцать минут, полностью снаряжённый в дорогу. Поверх туники он надел жёсткую кожаную куртку, обшитую металлическими бляхами. На правом плече красовался шипастый наплечник. На левой же руке – кожаный шипованный наруч. Предплечья обмотаны кожаными ремнями. На кистях рук намотано что-то вроде эластичных бинтов. Солдатские сапоги завершали облик старого вояки. За плечами он тащил объёмный дорожный мешок. В руках, пытая и отдуваясь, он нёс ещё один баул, размерами побольше первого.

– Вашмлсть, давайте под навес отойдём, я вам облачиться помогу. Восточку бойцам я послал уже.

Мы отошли под навес, и Друз плюхнул свою ношу на деревянный настил. После чего начал извлекать из него элементы снаряжения.

Первыми на свет появились части моего «походного» доспеха. У Максимуса был ещё и боевой, но он остался дома, потому что надевали эту гору железа только прямо перед большими сражениями.

Друз помог мне застегнуть многочисленные ремешки и пряжки. Теперь моё тело покрывал сегментный металлический, со стёганой подкладкой, панцирь, делающий меня немного похожим на рака. Наплечники мы решили не пристёгивать. На правой руке красовался металлический наруч с подбоем. Также на обе голени были надеты поножи. Набедренниками я, под одобрительным взглядом Друза, пренебрёг. Как и шлемом.

Затем из мешка были извлечены два... ну, на вид эти мечи были похожи на гладиусы. Клинки не длиннее моего предплечья. То есть для меня – короткий меч. А для плеба – длинный. Друз закрепил их на кожаном воинском поясе, а низ ножен пристегнул к бёдрам. Закончил моё вооружение длинный кинжал с треугольным лезвием, который подвесили мне на пузо, рукояткой вниз, под левую руку. Поверх всей этой радости мазохиста я накинул черный плащ с алой сигной дома Доримедов.

Покопавшись в памяти Максимуса, я не нашёл никаких воспоминаний об огнестрельном оружии. Ну что, вот оно моё поле для прогрессорства. Изобрету им тут пистолы-аркебузы. Потом пушки. Или наоборот? Потом и до пулемётов дойду. Хо-хо! Наведу шороха, короче!

Ещё в начале моего превращения в выставку кожгалантереи вперемежку со скобяной лавкой сестра Кассандра просигналила мне:

– *Дождись у стойл. Я быстро.*

И куда-то спылила. Не терпится ей меня выпроводить лично.

В стойлах нас уже ожидали двое воинов моей охраны в лёгком снаряжении. На лбах у обоих вытатуированы номера, причёска – короткий ёжик. Я «вспомнил», что, кроме собственно Друза, остальные мои воины были рабами.

Один из воинов держал упряжь и седло. Второй придерживал два мешка, каждый не меньше, чем у Друза. Увидев меня, оба плюхнулись на колени, склонив головы в дорожный прах. Это не было общепринятым приветствием командира. Просто Максимус был тот ещё засранец и, видимо, получал удовольствие от унижения людей ниже себя по статусу.

– Так, встали оба, – недовольно сказал я. – С этого дня я вам всем, и тебе тоже, Друз, запрещаю падать на колени. Воинского приветствия будет достаточно. Всё ясно?

– Как прикажет, вашмлсть! Вон Гром. Плюмбату ему в зад! Намучились с ним в пути. Нипочём никого признавать не хочет. Ну, вы знаете, вашмлсть.

Рядом с моими воинами, привязанное к поперечной деревянной жерди, тянущейся вдоль здания стойл, стояло... чудовище.

В холке эта скотина доставала мне почти до плеча. То есть не особо высокий плед мог бы, почти не пригибаясь, пройти у Грома под брюхом. Статями и внешним видом Гром напоминал скорее земного быка, чем лошадь. Его лапы оканчивались трёхпальными чешуйчатыми ступнями с массивными когтями. Здоровенная треугольная морда была увенчана тремя короткими рогами, обтянутыми кожей. А ещё он был покрыт мелкой, но, как я «помнил», очень прочной чешуёй.

Звался этот зверь – экус.

Вот здесь меня и накрыло, наконец, ощущением: «Господи, я в чужом мире, твою дивизию!» Всё, что встречалось мне до этого, было более менее знакомым. Гром же нарочито выделялся своей чуждостью.

Молча я забрал упряжь у боевого раба и, напрягая память, оседлал своего скакуна. Руки пока ещё двигались не особо проворно, но к концу процесса я, кажется, пробудил «мышечную память».

Когда я закончил седлать бронированного рогатого крокодила, появилась сестра Кассандра. Она вела в поводу небольшое покрытое чешуёй животное, которое чем-то неуловимо походило на земного осла. Асин, всплыло в голове. В руках она держала отполированный деревянный посох с медными наконечниками на обоих концах и металлическими кольцами, обхватывающими посох по всей длине. К седлу с двух сторон были приторочены дорожные сумки.

– Куда-то собрались, сестра? – ошарашенно спросил я.

– *Я теперь с тобой еду. Куда ты – туда я. При тебе должна быть сестра. Мать разрешила. Наказ богини.*

Я открыл уже рот, чтобы послать её по матери, ну или к Матери. И закрыл. Чего я буду спорить? Надо ей – пусть едет.

– А содержание ваше за чей счёт?

– *За твой. Не разоришься.*

– Надо, наверное, всё же решить вопрос иерархии...

– *Я не твой подчинённый. Я твоя духовная сестра и наставник в путях Богини. В остальном я выполняю приказы в дороге.*

Незамысловато.

– Да, а ещё ты будешь учить меня языку жестов.

Кассандра кивнула.

Друз, озадаченно взглядывавшийся в наш диалог, почесал затылок, сплюнул коричневой слюной в пыль под ногами и спросил:

– Так что, получается, серая пробл... сестра с нами намылилась, вашмлеть?

– Да. Сестра Кассандра едет с нами. Она, кстати, из Вирдисов. Ты бы всё же аккуратней, центурион. Следи за языком.

Сестра, между тем, невозмутимо взгромоздилась на своего чешуйчатого чипиздрика, явно приходящегося моему Грому дальним родственником. Один из рабов упал передо мной на четвереньки. Я шагнул ему правой ногой на спину, а левую вставил в стремя и одним махом оказался в седле Грома. Явно привычное действие, я даже не задумывался.

Сестра тут же пнула свою скотинку в бок, и та неторопливо потрусилась к опоясывающей нижний уровень стене. За ней тронулись я и моя немногочисленная пешая свита.

Мы покинули монастырь через последние из трёх ворот нижнего уровня, всё ещё оставаясь довольно высоко в горах. Позади остались три линии укреплений, изрядно траченных временем, но всё ещё грозных и вполне обороноспособных.

После прохождения последних ворот нам, наконец, открылся захватывающий в своём величии вид на окружающие монастырь земли.

На западе к небу вздымались белоснежные вершины хребта Термини. На юге и севере горы превращались в невысокие цепочки холмов. А на востоке местность стремительно понижалась и заканчивалась разлившейся до горизонта синевой внутреннего моря, называемого местными Серединным или Имперским.

На побережье Серединного моря, на тонком перешейке между основными землями империи и территорией провинции Арборея, и расположился город, недалеко от которого располагался монастырь Смеющейся. Оро-Терра буквально «Край земли». Имелись в виду, конечно, цивилизованные земли Империи Альтиор.

Наш путь вёл вниз, к подножию горы. И дальше на юг – две недели пешего пути. Но перед тем как отправиться в мои земли, нам следовало посетить город. Надо было разжиться деньгами, припасами и информацией. И только потом стоило двигать в тот медвежий угол Арбореи, в котором скромно притулились мои владения.

За воротами Кассандра устроила сеанс разоблачения. Когда надвратные башни скрылись из поля зрения за поворотом горной дороги, сестра сняла свой головной убор и вуаль. Я-то думал, она так и будет изображать помесь ниндзя с порабощённой женщиной востока.

Под серой шапочкой обнаружилась выбритая с боков голова с полосой блондинистых волос посередине. Эта полоса была заплетена в длинную косу, уложенную вокруг макушки наподобие короны. Кассандра вытащила заколку, и коса упала, достигнув пояса.

У сестры оказалось породистое горделивое лицо. Кожа молочно-белого цвета, изумрудные глаза. «Греческие» пропорции носа и подбородка. На вид сестре Кассандре было лет двадцать – двадцать пять. Даже нелепая, с моей точки зрения, стрижка не портила, а наоборот, каким-то образом подчёркивала её красоту мраморной статуи. К сожалению, эмоциональную гамму для своего лица Кассандра тоже взяла от статуи. Я подспудно ожидал, что у неё тоже будет зашит рот, но ничего такого, к счастью, не обнаружилось.

– Госпожа, не успела выйти из монастыря, а уже во все тяжкие пустилась. Смотрите, сестра, связались с нехорошей компанией. Не дай богиня, верхнюю пуговицу захочется на балахоне расстегнуть. Или шестнадцатое слово за день произнести. Или вообще на столе отплясывать, – не удержался я от ехидного замечания.

– *У меня на балахоне нет пуговиц.* – Сестра взглянула на меня как на идиота. – *А ношение скупфы за пределами обители не обязательно. И она мешает дыханию.*

После чего она достала из поясной сумки повязку с символом богини и завязала её вокруг головы. Повязка, в отличие от моей, была зелёной, а символ – кроваво-красным, как и у меня.

На этом наш содержательный диалог прервался.

Пока мы спускались с гор к заливу, я шерстил память Максимуса на предмет того, что в ней вообще есть. Просто называл мысленно слово и следил за всплывающей цепочкой ассоциаций. Результат меня расстроил. Максимум был невежествен абсолютно во всём, что не касалось славного рода Доримедов, войны во всех её проявлениях, сортов вин, достоинств молоденьких

рабынь и боевых животных. От остальных отраслей знаний в голове Максимуса был жуткий винегрет из домыслов, побасенок и его любимого выражения: «Хрен его знает, да и похрен».

Судя по многочисленным прочтенным мной «там» книгам, попаданец должен сразу присвоить весь объем знаний по миру, в который он залетел после несвоевременной смерти, прямо из головы местного реципиента-неудачника. Нехватку сведений гость из иного мира обычно восполняет из интернета или его магического аналога.

Чаще всего попаданец сразу становится экспертом в нескольких отраслях, включая социальное устройство страны попадания, юриспруденцию и флористику. Куёт булат, делает арбалеты десятками, трахает эльфийских принцесс. А ещё у него сразу появляется магический советник, какой-нибудь всезнающий имплант, дух-помощник или что-то такое.

Но либо я какой-то нестандартный попаданец, либо авторы моих некогда любимых книг изрядно назвездели.

Интернета в империи ещё не изобрели.

Духа-помощника или импланта на божественном складе не выдали.

А знания реципиента о мире состояли из одних пробелов и междометий.

Максимус даже в ценах на наиболее ходовые товары не разбирался. Патрицию было зазорно марать руки деньгами, и за него всегда расплачивались рабы или клиенты. Засада.

С другой стороны, а чего я, собственно, ждал? Что захолустный землевладелец окажется гением философии и мыслителем? Самыми актуальными для выживания в этом мире знаниями и навыками я теперь был снабжён в полной мере. Как там у классика: женщины, лошади, власть и война. Остальное добуду по ходу дела.

Загруженный этими размышлениями, я не заметил, как мы, миновав виноградники и рощи оливковых деревьев, небольшие фермы свободных арендаторов и рабские бараки, подъехали к городским воротам.

Мы с Кассандрой немного оторвались от нашего пешего сопровождения, так что я придержал Грома, чтобы дождаться Друза с бойцами. Мы уже ехали вдоль длинной очереди из людей и повозок, скопившейся перед городскими воротами, до которых оставалось метров двадцать – тридцать.

Внезапно я почувствовал невероятную усталость.

Мной овладела полная апатия и нежелание что-то делать. Я выпустил вожжи и чуть не выронил меч, который держал вертикально, кончиком вниз, воткнутым в специальное крепление у стремени. Одновременно я почувствовал, как что-то вроде липких паутинных нитей касаются моего лица. Мерзкое ощущение. Тот, кто когда-нибудь в лесу влетал лицом в невидимую до этого паутину, меня поймёт.

Я равнодушно взирал, как человек десять с обеих сторон дороги достали из-под лохмотьев костяные ножи и направились к нам с Кассандрой, светя ухмылками на перекошенных, изъеденных оспой рожах. И как остальные люди, столпившиеся в очереди к воротам, бросились врассыпную.

Моя команда телохранителей, похоже, не попала в странную паутину, но они решительно не успевали к нам. К тому же им долён был помешать встречный поток бегущих от места событий обывателей.

Спасла мою новообретённую жизнь сестра Кассандра. Она подняла руку и выкрикнула какое-то слово, донёсшееся до меня словно сквозь вату.

Невесомые нити, обволокшие моё сознание, вдруг стали видимыми, напряглись и лопнули с ясно слышимым звоном. Я вновь обрёл способность адекватно мыслить. А ещё я увидел человека, к которому стягивалась оплетающая нас паутина.

Не давая себе ни секунды на раздумье, я проигнорировал оборванца, повисшего на моей ноге, и одним мощным движением метнул укутанного священным покровом Светлячка в колдуна.

Оборванец ударил меня в бедро костяным клинком, но попал по ножнам гладия, и от лезвия ножа отлетел здоровый кусок. Скользящий по ножнам остаток оружия вонзился мне в бедренную мышцу.

Я незатейливо долбанул кулаком по макушке ранившего меня уroda. Что-то хрустнуло, и он отвалился в сторону.

Сестра Кассандра, ловким движением покинувшая седло, впечатала конец своего посоха в пах одному из нападавших и, завершая движение, вторым концом заехала другому прямо в висок. Оба выбыли из боя.

Ещё один оборванец, решивший прыгнуть на спину Грома, мне за плечи, получил удар задними когтистыми лапами скакуна и оказался разорван от груди до промежности.

Я отдался странному ощущению полного спокойствия, охватившему разум во время драки. Денис, сжавшийся от ужаса, что-то вопил в глубине сознания. Но сейчас, властно отодвинув его в сторону, действовал Максимус Доримед. Вернее, его рефлексы. Кажется, это называется «боевой транс».

Моё тело соскользнуло с лошади, одновременно вытаскивая оба гладия из кожаных ножен. Следующие мгновения оказались заполнены движением, фонтанами крови и предсмертными воплями. Где-то рядом плёл свою смертоносную сеть посох Кассандры.

Когда мои незадачливые телохранители добрались до нас сквозь бегущую толпу, они обнаружили меня с мечами в руках, с ног до головы залитого кровью. Кассандру, невозмутимо опирающуюся на посох.

И почти дюжину трупов бомжеватого вида.

В живых из нападавших не осталось никого.

Глава 5. Хочешь рассмешить Богиню – составь план

В которой я мародёрствую, лечусь, предаюсь мыслям о будущем и тревоугодию, люблюсь видами города и посещаю своего банкира

Я вышел из боевого транса. В ушах ещё звенели предсмертные крики нападавших. Бедро ныло противной тянущей болью.

Ну что, Денис. С боевым крещением тебя. В своём мире, после чересчур бурной молодости, я старался избегать даже простых драк. И уж точно никого не убивал. А здесь за полминуты уложил насмерть шесть человек. Оборванцу, которого я приложил кулаком по голове, сломал шею. Одно дело читать о таком, сидя в уютном кресле или лёжа в постели. И совсем другое – лично отправить на тот свет шестерых.

При этом никаких моральных терзаний я не испытывал. Ну, по крайней мере, пока. Просто не успевал ничего отрефлексировать. Но вот физиология меня подводила. Когда я смотрел на расчленённые тела, накатывала тошнота. Руки и ноги подрагивали.

Максимум убивал кроваво. Мечи в моих мускулистых руках творили с человеческими телами, не защищёнными доспехами, страшные вещи. Перерубленные конечности, отсечённые головы, проломленные грудные клетки. И вся эта весьма неаппетитная картинка сопровождалась стойким запахом нечистот и требухи, от которого тоже хотелось блевануть.

Невероятным усилием воли я удержал рвущуюся из желудка наружу желчь и на слегка подгибающихся ногах пошёл в сторону колдуна.

– Господин, вы ранены! Мне нет прощения...

– Ой, да завали ты, Друз!

– Кого завалить, мой господин? – Друз начал бешено озираться.

– Рот захлопни. Раньше надо было убивать. Сейчас обыщите придурков и стащите тела на обочину. Ну и куски от них тоже.

Я подошёл к телу колдуна. Светлячок пробил его насквозь, ровно посередине тела, приколлов неизвестного убийцу к стоящей на обочине повозке. Голова злодея свесилась набок, изо рта сочилась кровь. Ткань, ранее закрывавшая лезвие, собралась складками. Я с усилием выдернул клинок из деревянного борта и сбросил с меча тело паршивца. Последняя четверть клинка была устроена наподобие двустороннего гарпуна, так что на выходе лезвие развалило колдуна почти напополам. Меня снова замутило, и я опёрся о борт повозки.

Пересилив слабость, я приказал воинам обыскать тело и лежащий возле него дорожный мешок. Обыскивать мертвеца самому мне было не по статусу, а оставлять возможные трофеи на разграбление мародёрам я не собирался. Колдун всё-таки. Может, что интересное найдётся в вещичках.

Лицо убитого вызвало смутные воспоминания. Молодой, лет двадцати, парень, высокий и атлетично сложенный. Светловолосый, причёска, состоящая из множества косичек-дредов. Цепочка ассоциаций подсказала мне, что, похоже, половина напутствия Матери выполнена.

Передо мной лежал труп моего «домашнего колдуна». Предполагаемого любовника супруги Максимуса. И, скорее всего, убийцы его души и разума.

– Господин, вы ранены! – снова заканючил Друз. – Рана нехорошая, в бедро, ещё и грязным клинком. Боги знают, какую заразу этот голоногий, хер ему в глотку, занёс на лезвие. И куски кости могут в ране остаться. Надо срочно обработать, вшмлсть!

– Предлагаешь мне сесть прямо на обочину и заняться ранением? Может, сперва доедем до таверны? Кровь вроде сворачивается. Артерий он не задел. А что, стража так и будет стоять в воротах? Никто даже поинтересоваться не подойдёт?

– А чего им, господин. Туточки имперский тракт. А они городские стражи. Им вообще насрать, хоть демоны будут путников жрать под стенами. С места не сойдут. Сучары толсто-жопые. А люди префекта сюда, может, и не доберутся.

– Ясно. В любом случае ждать людей префекта мы не будем.

Ну и порядочки здесь! Реально в двадцати метрах от вооружённой городской стражи произошла резня, а те даже не почесались. Вон обсуждают что-то. Мне даже показалось, что несколько стражников обменялись монетами. Вот уроды. Ставки они делали! Нургалиева на них нет.

Я укрыл Светлячка тканью, кое-как замотав шнуром, и, прихрамывая, добрался до Грома. И сразу понял, что до места обработки раны придётся идти пешком. Бедро начало пробивать дёргающей болью. А при поездке в седле нагрузки на ноги чуть ли не больше, чем при ходьбе.

Ко мне приблизилась Кассандра.

– Сядь. Вытяни ногу. Я посмотрю рану и подлечу.

Спорить с решительно настроенной женщиной, имеющей в руках увеличенный вариант скалки, которой она только что завалила пятерых, – плохая примета. Так что я выполнил безмолвные указания Кассандры, как пай-мальчик.

Кассандра бесцеремонно запихала мне в рот кусок деревяшки, извлечённой всё из того же аналога древнеримской дамской сумочки, который висел у неё на поясе.

– Зажми зубами. Скажи своему слуге, пусть достанет воду.

– Друз. Вода нужна, – невнятно проговорил я.

– Зря вы ей доверяете. Что баба может в боевых ранах понимать, дротик ей в печень?

– Ты совсем тупой? Эта «баба» только что уложила пятерых вооружённых мужиков, пока ты пальцем в жопе ковырялся. Действительно, что она может в ранах понимать? Воду давай. Рассуждает он, млять!

Кассандра между тем, не обращая внимания на нашу болтовню, достала из сумки какие-то инструменты и приступила к процедуре.

Сперва Кассандра безжалостно сунула в рану расширитель и начала копать внутри моей ноги бронзовым крючком, извлекая застрявшие кусочки костяного лезвия. Я стиснул челюсти, во рту что-то хрустнуло. Надеюсь, не зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.